

Под треск ревущего костра Сайлас вгрызся в кусок курицы, отхватив изрядный кусок и прожевав его, не чувствуя вкуса. Сразу после этого он приложился к кувшину с вином и продолжал делать это с перерывами, пока жареная курица не закончилась - ну, во всяком случае, ее половина.

Тени, отбрасываемые костром, затемнили его лицо, превратили его в темный силуэт, прислонившийся к дереву, плечи слегка ссутулились, словно отяжелев.

Он отправился в путь три дня назад, направляясь в лес и за его пределы, а его спутниками были только меч и кое-какие припасы. Вместо того чтобы иметь четкий план, он двигался вслепую - его главной целью было либо наткнуться на Яна, либо на человека, с которым тролль говорил перед битвой. А если нет, то хотя бы проверить, что происходит возле Колодца. В обозримом будущем замок не сможет ничего пережить. Еще одно нападение... полностью уничтожит его.

Углубившись в свои мысли, он начал перебирать в памяти некоторые вещи, которые не совпадали - начиная с Райны. Он отчетливо помнил, как девушка взорвала весь замок, когда ее жизнь оказалась под угрозой во время одного из циклов. Хотя его память была нечеткой в отношении причины, по которой она "взорвалась", она определенно взорвалась. Он задумался над тем, почему она не активировалась в этот раз, и пришел к нескольким возможным выводам: либо эта рука была слишком сильной для того, что в ней находилось, либо она активировалась только в случае прямой угрозы ее жизни, либо она реагировала только на то, что в тот момент убивало Райну.

"Точно. Это была болезнь или что-то в этом роде, так?" Он боролся со своими воспоминаниями, более восьмидесяти лет, пытаясь вспомнить один, конкретный цикл и конкретные детали в нем. "Ах, забудь, забудь. В любом случае, я уже забыл", - пробормотал он, вздыхая.

Другим спорным моментом для него была сама рука - хотя ни у кого не было времени, чтобы

поразмислити над этим из-за факторов, связанных с попытками выжить, это был, безусловно, самый спорный момент.

В его голове роились бесчисленные вопросы: чья? Откуда она взялось? Как она там появилась? Куда она отправилась? Почему она не оставила после себя никаких опознавательных знаков? Было ли время ее появления действительно случайным?

Однако он знал, что на большинство из этих вопросов не будет легких ответов - не тех, которые он мог бы получить в ближайшее время. Он надолго застрянет в темноте и дрейфе, хотя на некоторые вопросы он все же сможет ответить - если, конечно, ему удастся поймать человека.

Затушив костер, он сложил все обратно в кожаный мешок и перекинул его через плечо, после чего направился вглубь леса. В отличие от прошлого раза, он мог сам различать узоры деревьев - хотя это и свидетельствовало о значительном прогрессе, которого он добился в работе с талисманами, это вряд ли обрадовало его. На самом деле он даже не обратил на это внимания, просто прошел мимо них и направился дальше, не поднимая шума.

Это было неторопливое, молчаливое, тягостное путешествие. Не приключение, не изгнание, не наказание - поход, почти сродни работе. Он не обращал внимания на качающиеся деревья, холод, а также снег, который начал падать на второй день. Его не беспокоило ничего, кроме неистощимого запаса топлива. Его целеустремленность, казалось, расчищала перед ним путь и вела его к цели.

На четвертый день он преодолел последний промежуток, почти не отдыхая, и подошел к последней "станции" - кучке деревьев, за которой лес поредел и открылся в долину. К своему удивлению и радости, он увидел мерцание огня, замедляющего и заглушающего его шаги по мере приближения. Выглянув из-за дерева, он увидел, что пламя костра пылает на небольшой поляне, а возле него сидит человек и что-то бормочет, читая древний фолиант.

Сайлас узнал его - не по чертам лица, а по черному, рваному капюшону. В его душе тут же вспыхнул гнев, но он сдержал его. Положив мешок на землю, он начал подкрадываться к

фигуре. Он не знал силы этого человека - особенно в том, что касалось магии. В конце концов, он стоял среди армии мертвых и не подвергся нападению.

Однако, когда Сайлас остановился прямо позади мужчины, нависнув над ним, как утес над рекой, он понял, что тот, скорее всего, не имеет боевого опыта. Сайлас выработал инстинкты, позволяющие чувствовать, когда кто-то находится поблизости, десятилетия за десятилетиями, десятилетия за десятилетиями назад, когда он был еще ребенком, когда дело дошло до владения мечом. Тот, кто позволял другому приблизиться так близко, особенно если учесть, что Сайлас не имел никакой подготовки наемного убийцы, был просто слаб.

Молча прислушиваясь, Сайлас услышал сердце мужчины: ба-дум, ба-дум, ба-дум. Оно было ровным, последовательным, но в то же время вялым и медленным. Если сравнить его с собственным сердцем Сайласа, то казалось, что на каждые десять ударов его сердца, сердце мужчины билось всего семь или восемь раз. Наблюдая за тем, как он сидит перед огнем, казалось, ни о чем не беспокоясь и не сожалея, Сайлас наклонился вперед, протянул руку и схватил мужчину за горло. Тот потрясенно вскрикнул, когда фолиант, который он держал в руках, был брошен вперед под действием силы удара.

Сайлас дернул мужчину назад и понял, что тонкая фигурка весит меньше ста фунтов. Поэтому, даже используя только одну руку, Сайлас оттащил все еще кричащего мужчину назад и впечатал его в дерево, прижав к шее и подняв на фут или около того над землей. Костяные и плотские ноги болтались из-под халата, отчаянно пытаясь коснуться грязи внизу.

Он откинул капюшон и наконец увидел его лицо, отчего едва не отпрянул назад от отвращения: половина лица мужчины представляла собой гнилую плоть, глазницы были впалыми и зияли, сухожилия, соединяющие две стороны лица, были растянуты, а между ними зияли дыры.

"Т-ты?!" - пробормотал мужчина хриплым тоном, как будто у него было полное горло мокроты.
"Как... что..."

"Заткнись, мать твою", - прорычал Сайлас, еще сильнее сжимая горло мужчины, отчего тот вскрикнул от боли, но не смог говорить. "С этого момента ты будешь говорить только тогда, когда я задам вопрос - и единственные слова, которые я хочу услышать из твоего рта, это ответы. Все ясно?!"

"Кто, по-твоему... АААА!!!", - на попытку протеста мужчины Сайлас поднял ногу и ударил его коленом в пах. Тот повалился вперед, оставшийся глаз выпучился, губы скривились от боли. "Как ты смеешь...!!!", - при повторной попытке Сайлас ударил кулаком по гнилой части лица, сломав все кости и заставив мужчину упасть на землю, катаясь по холодной, мокрой и умирающей траве.

По-видимому, одолеваемый чем-то более первобытным, Сайлас подошел к плачущему мужчине и нанес ему несколько ударов ногами, пока тот пытался защититься. Звуки трескающихся костей регулярно раздавались в ночи, это была песня ужаса и уныния, сопровождавшая акт, казалось бы, бесчеловечного, неумолимого насилия.

Сайлас успокоился только после того, как человек перестал защищаться - он лежал плашмя, большинство его костей было сломано, кровь текла, как у убитого на дороге. Присев, Сайлас снова поднял его за воротник, заставив мужчину поморщиться и тихо вскрикнуть от боли, шарканье его костей было больнее самой смерти.

"Ты не обязан отвечать", - сказал Сайлас. "На самом деле, пожалуйста, не надо. Продолжай свою тупость. Дай мне повод продолжать возвращаться к этому вопросу и использовать тебя как грушу для битья, чтобы попытаться снять часть гребаного гнева, из-за которого мне хочется врезаться головой в стену. Давай. Скажи мне отвалить еще раз".

"..." мужчина, однако, ничего не сказал. Выпуклый, покрытый синяками глаз в ужасе уставился на Сайласа; кровь текла из каждого отверстия, каждая кость в его теле, казалось, была сломана. У него едва хватало сил дышать, не говоря уже о том, чтобы протестовать.

"..." Сайлас стиснул зубы, заставляя себя успокоиться, когда он сделал глубокий вдох. "Тогда

давай попробуем еще раз. Кто ты?"

"...Я-Я-Я..."

"Я, я, я, я, я, блядь, что?!"

"Я... я Тессар!" - мужчина вздрогнул и попытался отступить, когда увидел, что Сайлас поднял кулак, но только еще больше поранил себя в процессе.

"Тессар. Тессар. Тессар. Очень хорошо. Я запомнил твое имя. Теперь, Тессар, ты подробно расскажешь, почему твои хозяева послали гончих на замок".

"Я... я не знаю", - бормотал Тессар, плача открыто и свободно. "Я... я всего лишь прислужник. Я ничего не знаю! Я ничего не знаю!"

"ЧУШЬ!!!" Сайлас оттолкнул мужчину назад и ударил его о землю, в результате чего тот извергнул полный рот крови, а звук щелкающих костей раздался еще раз. Кровь и дальше начала вытекать из разорванного рта мужчины, булькающие звуки присоединялись ко все более поверхностному дыханию. "Ты должен что-то знать! Я же сказал тебе, у меня есть все гребаное время в мире... эй, эй? О, черт", - вздохнул Сайлас, отпустив ошейник, и тело, хромая, опустилось на землю. Человек умер - его единственный глаз расширился, призрачный, испуганный, кровь текла по его губам.

Сайлас ухватился за капюшон мужчины и вытер руки, после чего подошел к тому месту, где оставил мешок, подобрал его и сел у костра, откупорив последний кувшин вина, который у него был. Хотя ответов он пока не получил, он не волновался. Было еще время. По крайней мере, он знал, что этот человек здесь - даже спустя столько дней после нападения.

"Точно, тот фолиант, который он держал в руках", - пробормотал Сайлас, оглядываясь вокруг, пока не заметил фолиант - внутри костра, только несколько остатков толстой кожи осталось, вся бумага сгорела. "Ну что ж", - пробормотал он, отключаясь, и посмотрел дальше на север, где за последними деревьями он впервые увидел открытый Колодец. Вместо того чтобы сразу бежать туда, он решил немного успокоиться и отдохнуть, поскольку подозревал, что его быстро убьют, как только он переступит порог.

Его резко поднял на ноги треск ветвей, он вскочил на ноги, выхватил меч и повернулся к источнику звука - туда, где он убил Тессара. Там, нависнув над его трупом, Сайлас увидел одно из самых странных зрелищ в своей жизни - всех тех, что он видел в этой жизни, включительно. Там стояла белая лань, а на ее голове сидел черный ворон. Оба перевели головы с трупа на него, почти как люди, и смотрели на него. Сайлас застыл на месте, почти желая встать на колени под этими глазами.

"Видит ли он нас?" - спросил ворон.

"Он нас видит", - ответила лань.

"Он чувствует нас?" - спросил ворон.

"Он чувствует нас." - ответила лань.

"Верит ли он в нас?" - спросил ворон.

"Он не верит в нас." - ответила лань.

"Как он может не верить в нас?" - спросил ворон.

"Ведь для него мы не настоящие, дорогая ворона." - ответила лань.

"Мы реальны для всех".

"Не для тех, кто не понимает".

"Не для тех, кто не любит".

"Не для тех, кто распускает руки".

"Не для тех, кто не видит".

"..." Сайлас уставился и уставился, застыв на месте, прежде чем тихо пробормотать. "Какого хрена?"